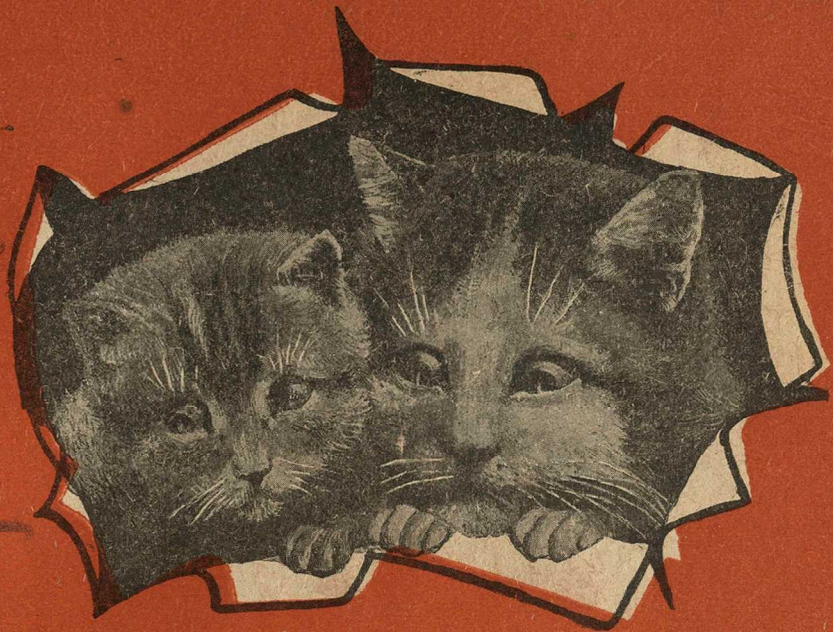

Годъ изданія девятый.

І Ю Н Ъ.

№ 15.

1916.

XVII $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МАЙ (стих.).
ВЪ ЗВЪРИЦѢ.
НА ЛОДКѢ (стих.).
НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ (повѣсть).
СТАРЫЙ КУЗНЕЦЪ (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Рыцарскій замокъ—для склеиванія.
Паукъ и осы (игра).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Доволенъ.

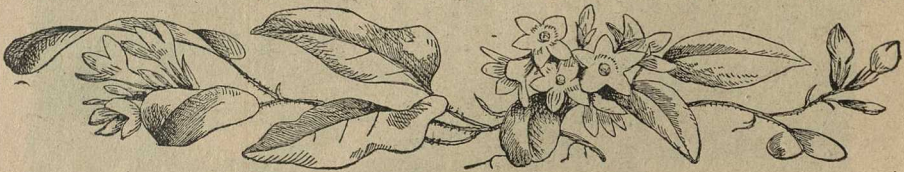

М А Й.

Распустились всюду почки,
 На деревьяхъ и кустахъ
 Показались вновь листочки.
 Въ теплыхъ, солнечныхъ лучахъ
 Грѣясь, весело пичужки
 Вновь щебечуть межъ собой.
 Показались пчелы, мушки...
 Оживаетъ все съ весной!
 Боронить крестьянинъ поле,
 Пѣтухи въ дворахъ поютъ;
 Птицы разныя на волѣ
 Всѣ хлопчуть — гнѣзда вьютъ.

Вновь луга зазеленѣли,
 Зашумѣли всѣ лѣса,
 Комары ужъ зазвенѣли,
 И синѣютъ небеса.
 А черемуха и вишня
 Одѣваютъ свой нарядъ,
 И, раскинувшись такъ пышно,
 У рѣки дубки стоятъ.
 У корней плакучей ивы
 Тихо плещется волна —
 Отъ весенняго разлива
 Успокоилась она.

О. Л.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

8. Разсказъ Тигра.

— Ну, теперь твоя очередь! обратился слонъ къ тигру. — Разсказывай теперь ты намъ о себѣ!

Тигръ сверкнулъ глазами, какъ искрами, и лѣниво поднялся на переднія лапы.

— Что-же мнѣ о себѣ разсказывать? началъ онъ. — Моя исторія такая-же, какъ и у всѣхъ васъ: я имѣлъ счастливое дѣтство около матери, былъ свободенъ, жилъ той жизнью, для которой меня создалъ Богъ, — и вотъ въ концѣ-концовъ

попался сюда въ неволю. О чемъ-же мнѣ вамъ разсказывать?

— Ну, разскажи хоть что-нибудь! отвѣтилъ слонъ. — Ночь такъ длинна и темна, что всѣмъ намъ скучно. У насъ у всѣхъ тоска и мы отъ нея не можемъ спать. Ну, начинай-же!

Тигръ опять сверкнулъ въ темнотѣ глазами и положилъ морду на переднія лапы.

— Мы, тигры, началъ онъ, — живемъ вездѣ, гдѣ только можетъ

жить кошачья порода. Мы водимся въ Индіи, въ Китаѣ, въ Персіи и даже въ Приамурскомъ краѣ и въ Закавказьѣ. Обыкновенно мы держимся въ тростниковыхъ болотахъ и въ поляхъ, засѣянныхъ высокими хлѣбами. Разъ избравши для

такъ скоро бѣгать, что ни одна лошадь его догнать не можетъ.

Если ему попадается рѣка, то онъ прекрасно ее переплываетъ, но купаться въ ней не любитъ. Онъ прыгаетъ сразу на шесть аршинъ, можетъ взлѣзать на самую

Тигры.

своего логовища какое-нибудь мѣсто, тигръ уже не покидаетъ его многіе годы, какъ-бы неудобно оно ни было. Тигръ чрезвычайно ловокъ, легокъ и изященъ. Онъ подкрадывается къ своей добычѣ такъ, что его не слышно даже на близкомъ разстояніи. Онъ умѣетъ

вершину деревьевъ, хотя и дѣлаетъ это въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Онъ смѣлъ такъ, какъ ни одно животное въ мірѣ, Улучивъ подходящую минуту, онъ, какъ молнія, бросается даже на самое крупное животное, вцѣпляется въ него и загрызаетъ его до смерти.

Въ пищѣ тигрь не разборчивъ: онъ съ одинаковымъ аппетитомъ ѣстъ и мясо, и рыбу, и черепахъ, и насѣкомыхъ—все зависитъ отъ того, что онъ сумѣетъ себѣ достать. Пойманную добычу тигрь тотчасъ-же утаскиваетъ къ себѣ въ логовище и уже тамъ ее съѣдаетъ. Онъ никогда не ѣстъ ее тамъ, гдѣ поймалъ. Онъ такъ силенъ, что легко утаскиваетъ на себѣ цѣлаго быка и всегда начинаетъ ѣсть свою жертву съ заднихъ ногъ. Пока ѣстъ, онъ часто ходитъ къ водѣ, чтобы прополоскать свою пасть, и затѣмъ много и подолгу пьетъ. Наѣвшись, онъ цѣлыя сутки спитъ, а проснувшись, снова принимается за доѣданіе своей добычи. Но, не смотря на жадность, тигры могутъ цѣлыя недѣли обходиться безъ ѣды и безъ питья.

Каждый годъ тигрица выводитъ по два или по три дѣтеныша. Только что родившіеся тигрятки гораздо меньше домашней кошки и чрезвычайно добродушны, привлекательны и привязчивы. Они быстро въ неволѣ привыкаютъ къ человѣку. Да, вотъ я сейчасъ расскажу вамъ исторію, которая, надѣюсь, всѣхъ васъ развлечетъ и докажетъ вамъ, что, не смотря на всю свою кровожадность, тигрь при случаѣ умѣетъ быть и благороднымъ. Эту исторію я слышалъ еще въ дѣтствѣ отъ своей матери и она переходила среди

насъ изъ рода въ родъ. Тотъ тигрь, о которомъ я сейчасъ расскажу, былъ моимъ предкомъ и я горжусь теперь, что происхожу отъ такого замѣчательнаго звѣря, какимъ былъ онъ. Такъ слушайте-же, что рассказала мнѣ однажды моя мать:

Маленькая Сальвія жила въ Африкѣ, въ древнемъ Карфагенѣ. Ея отецъ имѣлъ свой собственный корабль и, плавая на немъ по разнымъ городамъ торговалъ тамъ фруктами и привозилъ своимъ женѣ и дочери заработанныя деньги. Дѣвочкѣ было всего только семь лѣтъ, но она уже знала, что она и ея родители были христіане и что всѣ остальные жители въ Карфагенѣ были еще язычниками. Таясь отъ другихъ, мать будила ее по ночамъ и водила ее, сонную, куда-то далеко за городъ, въ какія-то мрачныя подземелья, гдѣ, скрываясь отъ преслѣдованій со стороны властей, христіане совершали свои богослуженія.

— Молись, милая! обращалась къ ней мать. — Молись Христу! Онъ — единственный Богъ, создавшій міръ.

Христіане пѣли и Сальвія, съ трудомъ преодолевая дѣтскій сонъ, любила ихъ слушать. Затѣмъ, такъ-же прячась отъ кого-то, онѣ возвращались къ себѣ домой. Сальвіи тогда казалось страннымъ, почему это имъ нужно было скрываться и нельзя было прямо и открыто сказать всѣмъ, что обѣ онѣ вѣро-

вали въ Христа. Но мать скрывала отъ нея, что въ тѣ далекія времена открыты были на христіанъ гоненія и что исповѣдовать ученіе Христа считалось преступленіемъ.

— Ты-жь, смотри, Сальвія, никому не говори, что мы христіане, наказывала дѣвочкѣ мать.—А то всѣмъ намъ будетъ плохо!

Сальвія смотрѣла на мать большими, недоумѣвавшими глазами и, не понимая, почему для нихъ могло быть плохо, все-таки хранила упорное молчаніе.

Однажды отецъ возвратился изъ плаванія и привезъ Сальвіи маленькаго тигренка. Это было прелезавное животное. Ласковое, мягкое, гибкое, оно весело играло кожанымъ мячикомъ и не замѣчало своей неволи.

— Это тебѣ подарокъ! сказала отецъ.—Когда я былъ въ Александріи, то какой-то Египтянинъ убилъ тигрицу и взялъ у нея этого тигренка. Я купилъ его у него и вотъ привезъ его тебѣ. Играй съ нимъ, пока онъ еще малъ и безвреденъ. А когда вырастетъ и станетъ опасенъ, тогда его можно будетъ продать.

Сальвія обрадовалась. Она росла одна и у нея не было еще ни разу живой игрушки; въ домѣ не держали даже кошки. Она съ жаромъ принялась за тигренка и съ тѣхъ поръ ихъ всегда можно было видѣть вдвоемъ: куда-бы Сальвія

ни шла и гдѣ-бы она ни была, ее всюду сопровождалъ на цѣпочкѣ тигренокъ и всѣ, при видѣ ихъ говорили:—

— Ну, вотъ идутъ неразлучные друзья!

Сальвія прозвала своего друга Криспомъ. Она поила его изъ рожка молокомъ, укладывала его спать, шила для него изъ кожи мячики и, казалось, и Криспъ цѣнилъ это, потому что изъ всѣхъ людей признавалъ одну только Сальвію и игралъ только съ нею одной.

Но время шло, Криспъ выросъ и въ немъ стала сказываться его дикая, хищная натура. Черезъ годъ онъ уже значительно подросъ, а еще черезъ годъ—сталъ уже взрослымъ звѣремъ и все чаще и чаще сталъ выпускать когти и оскаливать зубы.

— Пора-бы его уже продать! говорила мать.—А то онъ осердится на когонибудь, да еще искусаеть... Тогда не оберешься бѣды!

И, дѣйствительно, случилось однажды такъ, что Криспъ чуть не задушилъ чью-то проходившую мимо овцу. Поднялась тревога. Собрались сосѣди, стали кричать и требовать, чтобы тигра немедленно же отдали въ звѣринецъ или убили. Сальвія слышала это и, обнявъ Криспа за шею, сидѣла съ нимъ въ темномъ уголкѣ и плакала.

— Ну, зачѣмъ ты это, Криспъ, сдѣлалъ! упрекала она его.—Какой ты недобрый! Развѣ можно такъ себя вести!

Криспъ смотрѣлъ на нее ласковыми, карими глазами и съ удовольствіемъ мурлыкалъ, какъ кошка. То, что онъ задралъ чужую овцу, казалось ему самымъ обыкновеннымъ и самымъ дозволеннымъ дѣломъ и, казалось, что онъ только удивлялся тому, что люди могли придавать этому столько значенія.

— Но ты больше не будешь! продолжала убѣждать его Сальвія.— Ты общаешь мнѣ, что больше не будешь?

На другой день возвратился изъ плаванія отецъ, узналъ объ исторіи съ овцой и озабоченно потеръ себѣ лобъ.

— Это была ошибка, что я его привезъ сюда, сказалъ онъ.—Такъ онъ можетъ загрызть и чьего-нибудь ребенка! Завтра-же я отвезу его въ звѣринецъ!

Сальвія слышала это и сердце у нея задрожало. Неужели-же ея любимецъ будетъ проданъ въ звѣринецъ и будетъ томиться тамъ въ тѣсной клѣткѣ и въ духотѣ? Неужели его сдѣлаютъ невольникомъ навсегда?

— Нѣтъ, этого не можетъ быть, рѣшила она.—Я этого не допущу!

И когда всѣ улеглись спать, и заснули, она встала съ постели, одѣлась, взяла цѣпочку, привязала

ее къ тигру и вывела его на улицу.

— Пойдемъ! сказала она.—Я должна тебя спасти!

Было темно, свѣтили звѣзды, и во всемъ городѣ не было ни души. Она прошла изъ улицы въ улицу и, не боясь никого и ничего, вышла со своимъ другомъ въ поле. Онъ послушно слѣдовалъ за нею. Когда городъ остался уже позади, то она обняла Криспа, поцѣловала его въ широкой лобъ, развязала цѣпочку и со слезами на глазахъ сказала:—

— Бѣги, куда знаешь! Я не хочу, чтобы тебя отдали въ звѣринецъ!

Глаза моего предка засвѣтились. Онъ почувялъ свободу, понюхалъ воздухъ, поводитъ хвостомъ и вдругъ сдѣлалъ прыжокъ. Затѣмъ онъ поползъ на животъ, опять сдѣлалъ прыжокъ и, два раза громко рыкнувъ, быстро побѣжалъ по направленію къ пустынь и скрылся въ темнотѣ.

Сальвія долго смотрѣла ему вслѣдъ, а затѣмъ глубоко вздохнула и побрела къ себѣ домой.

Дома она не застала ни матери, ни отца. Она рѣшила, что они, должно быть, отправились на богослуженіе въ подземелье, и улеглась спать. Когда она проснулась, то было уже утро, но мать и отецъ ея еще не возвратились. Это встревожило ее и она стала съ безпокойствомъ ихъ ожидать. Но утро

прошло и наступилъ затѣмъ день, а ихъ все не было и не было. Пора была бы уже топить очагъ и готовить обѣдъ.

„Гдѣ-бы они могли задержаться?“ подумала Сальвія.

Но вотъ настала уже ночь. Сальвія весь день не ѣла ничего и въ тревогѣ не знала, какъ ей поступить. Какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь. Она вскочила съ кровати и побѣжала отворить.

Это оказался мѣстный христіанскій священникъ, тотъ самый, который совершалъ богослуженія въ подземельяхъ.

— Миръ тебѣ, Сальвія! сказалъ онъ.—Собирайся и пойдѣмъ! Медлить нечего! Прошлой ночью, когда тебя не было дома, явились солдаты и арестовали твоихъ отца и мать за то, что оба они вѣрують во Христа. Да будетъ на все воля Бога. Умирая, твоя мать просила меня не оставлять тебя,— и вотъ я пришелъ за тобой...

— Умирая? испугалась Сальвія.— Развѣ моя мать умерла?

— Да, отвѣтилъ священникъ.— И мать, и отецъ. Оба они умерли смертью мучениковъ. Ихъ отдали на растерзаніе звѣрямъ.

Дѣвочка почувствовала, какъ полъ вдругъ выскользнулъ у нея изъ-подъ ногъ и какъ все завертѣлось у нея передъ глазами, и лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, то

вокругъ нея шумѣло море. Она была уже на кораблѣ. Около нея сидѣлъ съ озабоченнымъ лицомъ священникъ и, очевидно, ожидалъ, когда она придетъ въ себя.

Сальвія оглядѣлась. Свѣтили звѣзды и, насколько позволялъ видѣть ихъ свѣтъ, корабль былъ уже далеко отъ земли.

— Гдѣ мы? спросила Сальвія.— Куда мы плывемъ?

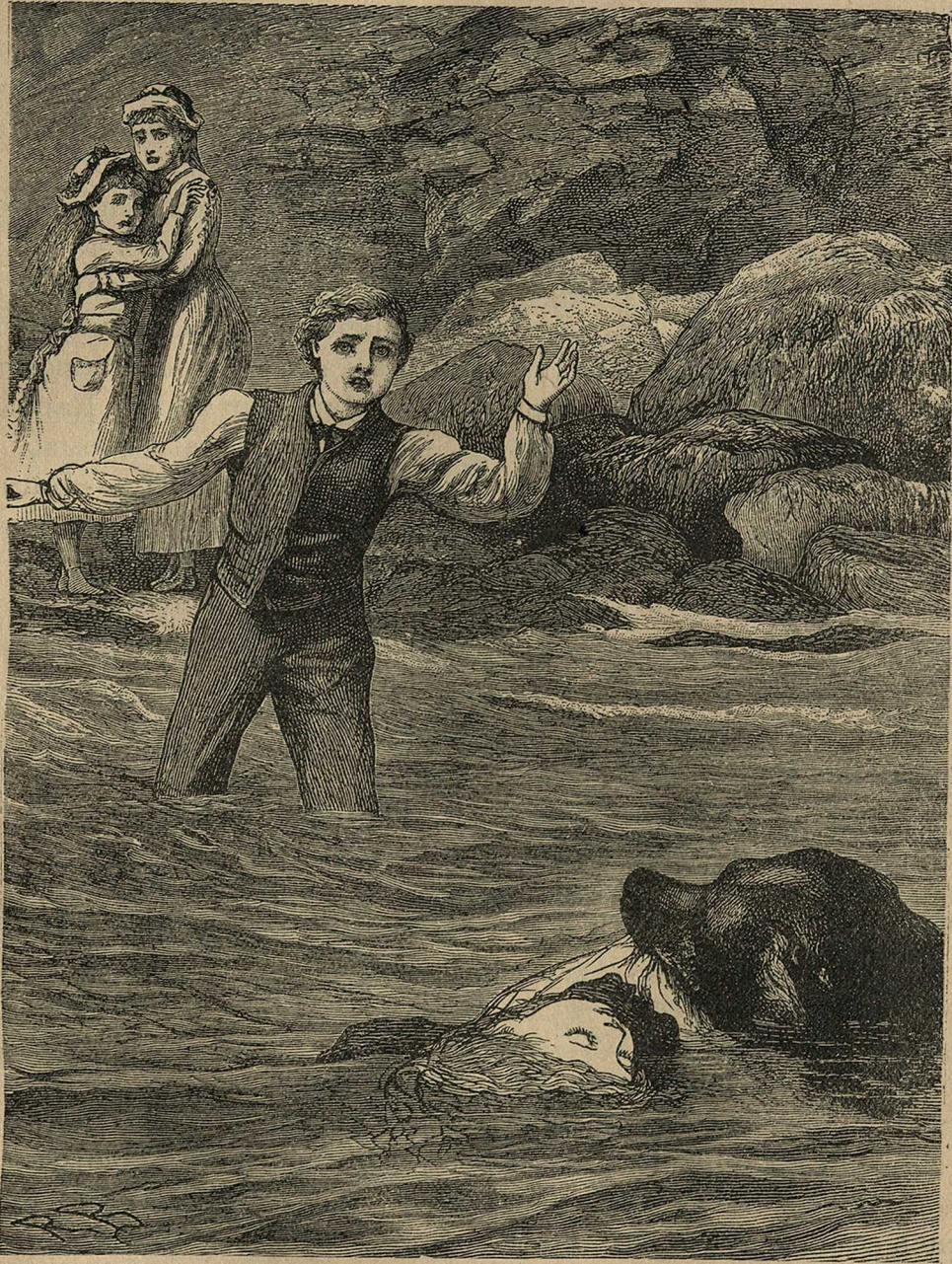
— Мы въ морѣ, дитя мое, отвѣтилъ ей священникъ.— Мы плывемъ въ Италію, въ Римъ... Тамъ теперь много насъ христіанъ и тамъ я нужиѣе, чѣмъ былъ въ Карфагенѣ... Но ты не бойся, тамъ ты будешь не одна... Тамъ найдется много добрыхъ людей, которые о тебѣ позаботятся. Спи лучше съ Богомъ!

Онъ спустился съ нею внизъ, въ каюту, и уложилъ ее въ постель. Испытанныя ею волненія и морская качка скоро навели на нее сонъ и она крѣпко заснула. Ей снились левъ Криспъ, солдаты, отецъ и мать и великій городъ Римъ, котораго она еще ни разу не видала и въ которомъ жилъ самъ императоръ Неронъ.

На самомъ краю Рима, въ одномъ изъ бѣдныхъ домиковъ бѣднаго рабочаго квартала жила нѣкая старушка по имени Аза. У нея не было ни родныхъ, ни друзей, она жила совершенно одна и зарабатывала себѣ на пропитаніе только тѣмъ, что успѣвала за день на-

Сиротка.

Спасена!

прясть на своей прялкѣ. Она была христіанка. Часто, по ночамъ, она отправлялась въ катакомбы, эти знаменитыя римскія подземелья, гдѣ совершались богослуженія и куда собирались всѣ тамошніе христіане. Отъ нихъ она слышала, что императоръ Неронъ возбудилъ гоненія противъ христіанъ и приказалъ подвергать ихъ тяжкимъ мученіямъ. Въ ужасѣ отъ услышаннаго, она падала на колѣни и начинала молиться за императора, чтобы Богъ укротилъ его гнѣвъ. Затѣмъ она отправлялась къ себѣ домой, бралась за веретено и начинала свою безконечную работу. Она не разставалась съ нимъ съ самаго своего дѣтства, уже лѣтъ пятьдесятъ, и всѣ эти годы пѣла все одну и ту-же пѣсню:

Вертись, вертись, мое веретено,
Ты для труда и счастья мнѣ дано.
Пусть будетъ нить тонка, крута, плотна,
Чтобъ вышло изъ нея побольше полотна,
И пусть его себѣ богатые возьмутъ,
А намъ съ тобой останется лишь трудъ...
Но трудъ — наше счастье,
А ласка, любовь и участие
Къ Христу насъ все ближе влекутъ...
Привѣтъ-же вамъ, ласка и трудъ!

Аза была бѣдна и никому неизвѣстна и потому жила въ мирѣ и въ спокойствіи, и преслѣдованія язычниками христіанъ какъ-то не касались ея и проходили мимо нея.

Но вотъ однажды вечеромъ — было уже поздно, но Аза все еще сидѣла за работой — вдругъ кто-то постучался къ ней въ дверь. Она вздрогнула, сердце у нея забилося,

но она тотчасъ же встала и отправилась отворить. Въ самомъ дѣлѣ, кого ей бояться? Вѣдь она такъ бѣдна! Ну, кто ее можетъ тронуть?

Въ лачугу вошелъ какой-то чело-вѣкъ, весь въ черномъ, держа на рукахъ дѣвочку.

— Мееодій! воскликнула въ удивленіи старушка. — Въ такой поздній часъ! Но что заставило тебя, христіанскаго священника, появляться такъ поздно въ такихъ мѣстахъ? Давно-ли ты изъ Карфагена?

— Не говори такъ громко, отвѣтилъ ей священникъ. — Насъ могутъ услышать. Дорога каждая минута. Развѣ ты не знаешь, какіе ужасы происходятъ сейчасъ въ нашемъ Римѣ? Императоръ издалъ новое повелѣніе о преслѣдованіи христіанъ. Ихъ много уже схвачено и заключено въ тюрьму. Я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы ихъ здѣсь утѣшать.

— Ахъ, вздохнула Аза! — Чѣмъ-же мы провинились передъ императоромъ?

— Не знаю... такъ-же грустно отвѣтилъ ей священникъ. А затѣмъ, указавъ на дѣвочку, онъ продолжалъ: — Это — сирота. Ее зовутъ Сальвія. Ея родители схвачены и отданы звѣрямъ въ Карфагенѣ. Я взялъ эту дѣвочку себѣ и вотъ теперь не знаю, что съ ней дѣлать. Мнѣ негдѣ ее держать. Я знаю, что ты бѣдна, но не возьмешь-ли ты ее къ себѣ? Будь ей второю матерью! Она крещена.

Старушка подумала.

— Хорошо, сказала она потомъ. — Я всегда любила дѣтей и мечтала ихъ имѣть около себя. Пусть она останется со мной и да будетъ надъ ней благословеніе Господне! Я работаю на себя одну, теперь-же буду работать на двоихъ.

— Ну, вотъ и хорошо, сказалъ съ облегченіемъ священникъ. — За это Богъ тебя впослѣдствіи вознаградитъ. А теперь прощай, Аза Увидимся-ли еще когда-нибудь?

— Посиди, куда торопишься, Меодій? вѣдь мы такъ долго не видались! Куда ты такъ спѣшишь?

— Исполнять свой долгъ. Побѣгу поскорѣе въ тюрьмы, чтобы тамъ утѣшить несчастныхъ заключенныхъ. Надо ихъ воодушевить, ободрить, а если понадобится, то и умереть вмѣстѣ съ ними.

— Ну, прощай!.. тихо, со слезами на глазахъ проговорила Аза.

Священникъ вышелъ и Сальвія осталась навсегда у Азы. Потянулась длинная ночь и обѣ онѣ, старая и малая, еще долго разговаривали между собою и не ложились спать. А когда настало утро, и солнце заглянуло черезъ окошечко въ лачугу, то оно увидало умиленную картину: сидя на стулѣ спала старая Аза, а у нея на колѣняхъ, крѣпко обнявъ ее за шею, сладко похрапывала маленькая Сальвія.

Два дня спустя, Аза узнала, что Меодія тоже схватили и вмѣстѣ

съ другими христіанами отдали въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. проговорила она. — Когда-же это кончится? И чѣмъ только мы разгнѣвали нашего Императора!

Старушка оказалась очень доброй женщиной и маленькая Сальвія скоро привязалась къ ней всей душой. Въ бѣдномъ жилищѣ старой пряхи она оказалась свѣтлымъ лучомъ радостнаго солнца, согрѣвшимъ одинокую Азу. Грустная лачуга какъ-то сразу вдругъ повеселѣла. Раздалось беззаботное щебетанье Сальвіи и веселое топотанье ея ножекъ — и у старушки стало какъ-то мягко и тепло на сердцѣ, и она то и дѣло поднимала глаза къ небу и тихо повторяла:—

— Слава Богу! Благодарю Тебя, Господи!..

Съ беззаботностью, присущей маленькимъ дѣтямъ, Сальвія скоро привыкла къ своей новой жизни, и не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ она уже сидѣла, по примѣру старухи, за прялкой, вертѣла веретеномъ и на всю комнатку распѣвала:—

Вертись, вертись, мое веретено,
Ты для труда и счастья мнѣ дано...

А затѣмъ потянулись длинные мѣсяцы, въ теченіе которыхъ ничто не смущало мира и нѣжной дружбы старушки Азы и маленькой Сальвіи. О преслѣдованіяхъ и казняхъ христіанъ уже не было

слышно ничего, и пряха успокоилась.

„Должно быть, императоръ насъ простилъ“... думала она. — „Быть можетъ, онъ уже и разрѣшилъ намъ свободно молиться и исповѣдывать Христа, да я сижу здѣсь одна и не знаю? Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось пожить еще, чтобы увидѣть, какою будетъ Сальвія, когда выростеть!..

Но увы! Ея надежды были напрасны. Императоръ Неронъ былъ не изъ такихъ, которые умѣли прощать. Случился въ Римѣ большой пожаръ, сгорѣли чуть не двѣ трети столицы — и кто-то донесъ ему, что это подожгли христіане. Тотчасъ-же онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы немедленно-же всѣ христіане были схвачены и преданы казнямъ, или-же посажены въ тюрьму. Начались опять преслѣдованія. Хватали по одному только подозрѣнію и лишали жизни и правого, и виноватаго. Изъ казней сдѣлали цѣлыя празднества. Несчастныхъ христіанъ отправляли въ циркъ и тамъ, на глазахъ у стотысячной публики и въ присутствіи самого императора, отдавали ихъ на растерзаніе звѣрямъ. Это были ужасныя зрѣлища. На этотъ разъ ихъ не избѣжали и старушка Аза съ маленькой Сальвіей. Въ числѣ другихъ христіанъ онѣ тоже появились въ циркъ.

Это была душу раздирающая сцена, когда ихъ разлучали. При-

шедшіе арестовать ихъ солдаты грубо ворвались къ нимъ въ лагугу и, несмотря на ихъ убѣдительныя просьбы взять ихъ вмѣстѣ, потащили каждую изъ нихъ порознь. Передъ выводомъ въ циркъ каждую изъ нихъ продержали двое сутокъ въ различныхъ тюрьмахъ. Онѣ плакали и молились Богу. Наплакавшись, онѣ примирились съ судьбой и стали покорно ожидать своей участи.

Насталъ день представленія въ циркъ. Тюрьмы, въ которыхъ томились христіане, находились внизу и окружали арену. Сквозь рѣшетки, выходящія на арену, выглядывали блѣдныя, испуганныя лица заключенныхъ. Всѣ верхніе ряды были заняты зрителями, которые шумѣли, волновались, хлопали въ ладоши и стучали ногами, требуя начатія представленія.

Наконецъ въ ложѣ появился самъ императоръ.

— Императоръ! Императоръ! пронеслось въ толпѣ и вдругъ весь циркъ, какъ одинъ человекъ, затихъ.

Неронъ усѣлся въ раззолоченное кресло и, окруженный толпою царедворцевъ, сдѣлалъ лѣнивое движеніе рукой.

-- Начинайте!.. сказалъ онъ.

Съ визгомъ отворились желѣзные рѣшотки и на арену пугливо вышли толпы христіанъ и сбились въ кучки. Вслѣдъ затѣмъ отворились другія рѣшотки и вы-

скочили львы. Они оглядѣлись, повиляли хвостами и стали приближаться къ осужденнымъ...

Послѣдними были выпущены на арену старушка Аза и маленькая Сальвія. Ихъ выпустили изъ разныхъ тюремъ, не зная, что онѣ были родныя. Онѣ увидѣли другъ дружку и, полныя восторга отъ встрѣчи, бросились одна другой въ объятія.

— Сальвія! воскликнула Аза.

— Бабушка! взвизгнула Сальвія. И обѣ онѣ залились слезами.

Какъ вдругъ старушка вздрогнула и въ страхѣ сказала:—

— Смотри!

Сальвія обернулась. Громадный африканскій тигръ уже приближался къ нимъ, оскалилъ свою пасть и облизывался. Старушка опустилась на колѣни и стала молиться. Дѣвочка выпрямилась во весь свой ростъ и, чтобы защитить собою Азу, стала между ею и тигромъ. Замѣтивъ это, тигръ остановился и закрылъ свою пасть. Затѣмъ произошла изумительная картина: тигръ опустился на брюхо и, ласково, какъ домашняя кошка, поползъ къ Сальвіи. Она узнала его и протянула къ нему руки.

— Криспъ! воскликнула она.— Мой милый, хорошій Криспъ!

Онъ подползъ къ ней и улегся у ея ногъ. Она склонилась къ нему и, къ великому удивленію всѣхъ

зрителей, обняла его за шею рукой и прижалась щекой къ его мордѣ...

Императоръ сидѣлъ у себя въ ложѣ и съ любопытствомъ наблюдалъ всю эту сцену. Затѣмъ онъ громко разсмѣялся. Весь циркъ замеръ.

— А вѣдь такія представленія случаются не каждый день! вдругъ раздался его веселый голосъ.— Мнѣ положительно понравилась эта маленькая героиня! Дать ей свободу! Ей и этой старухѣ!

Тотчасъ-же стража бросилась исполнять повелѣніе своего владыки. Маленькая Сальвія взяла Криспа за шею и при громкихъ крикахъ толпы должна была пройти съ нимъ по аренѣ. Затѣмъ ихъ разлучили. Криспа опять посадили въ клѣтку, а Сальвія съ Азой мирно отправились къ себѣ домой.

Съ этихъ поръ ихъ уже никто больше не беспокоилъ и всякій разъ, какъ старушка и дѣвочка проходили потомъ по улицамъ Рима, изъ дверей и воротъ выбѣгали люди, указывали на нихъ и говорили:—

— Вотъ идутъ двѣ святыя!

Разсказчикъ смолкъ и вмѣстѣ съ нимъ затихъ и весь звѣринецъ. Только слышно было, какъ на площади гудѣла непогода, да какъ церковный сторожъ медленно отбивалъ на колокольнѣ часы...

С. Вершининъ.

НА ЛОДКѢ.

Вчера мы на лодкѣ катались...
Такъ было все тихо кругомъ!
Деревья о чемъ-то шептались,
Въ водѣ отражался нашъ домъ.

Ложились на озеро тѣни,
Пастухъ на свирѣли игралъ,
И запахъ душистой сирени
Изъ парка до насъ долеталъ.

Быль вечеръ. Спускалась прохлада,
Свалила жара наконецъ,
И слышалось дальняго стада
Мычанье и крики овецъ.

Затѣмъ все умолкло, заснуло.
И послѣ вседневной жары
Вдругъ свѣжестью бодрой пахнуло
И стали жужжать комары.

Туманъ потянулся клубами,
Растаялъ,— и пала роса
И тамъ, далеко, за полями,
Ужъ въ дымку одѣлись лѣса.

Какъ зеркало озеро было.
Лишь рыбки плескались порой,
А тамъ ужъ и ночь наступила,
И мѣсяцъ взопелъ надъ горой.

Кузничикъ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

(Продолженіе).

Мы прожили у няни болѣе недѣли, какъ вдругъ пришло отъ папы письмо. Онъ сообщалъ, что дома все благополучно, что мама по мнѣ соскучилась и что пора-бы мнѣ ѣхать уже домой, но тетя Ольга Павловна хочетъ повидаться со мной и просить, чтобы няня привезла меня погостить и къ ней.

Меня это опечалило, такъ какъ я уже привыкла къ жизни у няни и очень сдружилась съ Фросей и съ Бориской.

— Ну, ничего! сказала няня. — Я свезу тебя къ тетѣ Ольѣ, ты погостишь у нея съ недѣльку и опять возвратишься ко мнѣ! Папа не обидится!

— А это далеко? спросила я.

— Нѣтъ, верстъ двадцать отсюда! У нея хорошее имѣніе, тамъ есть гдѣ побѣгать и Коля, ея приемышъ, мальчикъ хорошій... Тебѣ тамъ будетъ весело.

Мнѣ ужасно не хотѣлось разставаться съ Фросей и съ Бо-

риской. Няня замѣтила это и, какъ-бы про себя, тихонько добавила:—

— Ну, Фросю-то мы можемъ взять съ собой, а ужъ Бориску— невозможно...

Я была довольна и этому.

Затѣмъ мы стали собираться въ путь и на слѣдующее же утро Трифонъ уже стоялъ съ тарантасомъ у крыльца. Двѣ лошадки отмахивались отъ мухъ и побрякивали бубенчиками. Я и Фрося суетились больше всѣхъ, няня была чѣмъ-то озабочена, а Марьюшка ахала и охала и совала намъ то яблочко, то кренделекъ. Бориска стоялъ хмуро въ углу и молчалъ. Потомъ мы присѣли, помолились и отправились садиться въ тарантасъ. Долго усаживались. Фрося вертѣлась такъ, точно сидѣла на иголкахъ.

— Ну, ты, пиголица! крикнула на нее потерявшая терпѣніе няня.— Да устроишься-ли ты когда-нибудь наконецъ?

Трифонъ дернулъ за вожжи и мы поѣхали. Облако пыли погналось вслѣдъ за ними. Я хотѣла посмотрѣть на Бориску въ послѣдній разъ, обернулась, но его уже не было: онъ куда-то исчезъ.

Всѣ двадцать верстъ до усадьбы тети-Оли мы ѣхали степью, пекло солнце, поднималась густая пыль и было не интересно. И только послѣднія пять верстъ пришлось ѣхать черезъ большой, прекрасный,

тѣнистый лѣсъ. Затѣмъ мы выѣхали изъ лѣса, и картина сразу перемѣнилась: вдаль заблестала голубая поверхность рѣки, кругомъ росла высокая сочная трава и на горизонтѣ изъ-за группы старыхъ липъ выглядывали красныя крыши съ бѣлыми трубами. Это было имѣніе тети-Оли. Заслышавъ насъ, къ намъ на встрѣчу выбѣжали собаки и, оскаливъ зубы, стали злобно на насъ лаять. Вышли какіе-то крестьяне, среди которыхъ были и дѣти; потомъ мы въѣхали во дворъ и подкатили къ крыльцу дома. Еще издали, слышавъ наши бубенчики, на него вышла какая-то дама. Завидѣвъ насъ, она вынула изъ кармана платокъ, прижала его къ глазамъ и отерла наворачнувшіяся слезы. Она была уже старушкой.

Это моя тетя-Оля.

Мы соскочили съ экипажа, я бросилась къ ней и повисла у нея на шеѣ.

— Господи!.. Господи!.. залепетала она.— Да тебя-ли я вижу? Ужъ не брежу-ли я? Ужъ не вижу-ли я тебя, Вѣрочка, во снѣ? А это что за дѣвочка?

— Это Фрося, дочь нашего священника!.. сказала няня.— Ужъ вы извините, барыня, что я привезла и ее!

Тетя-Оля притянула къ себѣ и Фросю и горячо ее поцѣловала.

— А это чей мальчикъ? вдругъ спросила она.

Мы обернулись. Передъ нами стоялъ Бориска.

— Гы-и! ухмылялся онъ.— И я здѣсь! Гы-и!

рантасу и доѣхаль, отвѣтилъ онъ.— Гы-и!

Дѣлать было нечего и пришлось и Борискѣ оставаться здѣсь. Но

Спать захотѣлось.

Няня нахмурилась.

— Какъ ты сюда попалъ? строго спросила она его.

— Я прицѣпился сзади къ та-

я была этому очень рада. Мы всѣ посмѣялись надъ Бориской, а затѣмъ тетя ввела насъ въ домъ и мы стали раздѣваться.

Грибная пора.

Крашенные, чистые полы, устланные дорожками, чистенькіе полосатые обои на стѣнахъ, старинныя печи, на которыхъ были нарисованы какіе-то фантастическіе птицы и звѣри, и старомодная краснаго дерева мебель произвела на меня какое-то неожиданно-мягкое впечатлѣніе. Мнѣ показалось, будто я тутъ и родилась, и будто мы возвратились сюда изъ далекой поѣздки, а не попали сюда только въ первый разъ.

Мы приѣхали.

Вышла и старушка Пелагея Арсеньевна и съ нею мальчикъ лѣтъ девяти — Коля. Это приемышъ тети Оли. Онъ не безъ робости осмотрѣлъ меня и Фросю, потомъ подаль намъ руку и, глядя то на одну изъ насъ, то на другую, вдругъ сталъ радостно смѣяться.

— Ну, вотъ тебѣ, Коля, и подруги! обратилась къ нему тетя Оля.

А старушка Пелагея Арсеньевна подошла ко мнѣ, расплакалась и залепетала:—

— Давно-ли, давно-ли, завздыхала она, — я носила твою маму на рукахъ, а вотъ уже и у нея такая большая дочь! Слава тебѣ, Господи!.. Слава тебѣ, Господи!..

Она стала цѣловать меня, но это ей не удавалось, такъ какъ губы ввалились ей въ беззубый ротъ и она только клевала меня своимъ большимъ, острымъ, старческимъ носомъ.

Вышла и экономка тети-Оли, высокая, худая, какъ палка, женщина. Она не цѣловала меня и Фросю, а просто сгребла насъ въ охапку и повела въ столовую.

— Ну, ѣсть, ѣсть! сказала она. — Нечего тутъ! Люди дорожные! Послѣ успеете!

Въ столовой уже былъ накрытъ обѣдъ. Насъ всѣхъ усадили за столъ, въ томъ числѣ и Борису, и экономка — Игнатъевна налила намъ въ тарелки супу.

— Ыщите! сказала она. — Проголодались!

Тетя-Оля сѣла сбоку, ласково смотрѣла на насъ, и то меня, то Фросю гладила по головѣ.

— Кушайте, мартышки! говорила она. — Или, быть можетъ, вы хотите сперва чего-нибудь холодненькаго? Не дать-ли вамъ сразу мороженаго?

— Нечего, нечего тутъ! возразила Игнатъевна. — Пусть сперва пообѣдаютъ!

Какъ?! Для насъ еще приготовлено и мороженое? Вотъ неожиданное счастье! Мы всѣ тотчасъ же принялись за ложки и за ножи и вилки, и не прошло и десяти минутъ, какъ весь обѣдъ былъ съѣденъ до конца. Потомъ внесли мороженое — и тутъ-то я поѣла его всласть!

— Хотите еще? спросила Игнатъевна, когда мы кончили.

Я нерѣшительно протянула къ

ней тарелочку и она положила мнѣ опять цѣлую гору.

— Ну, а ты, печерица, что молчишь? обратилась она къ Фросѣ.— Дай, я положу тебѣ еще!

Мы долго смѣялись надъ словомъ „печерица“, что по-малоросійски означаетъ „грибокъ“. Глядя на насъ, смѣялась и тетя-Оля и Пелагея Арсеньевна. Затѣмъ тетя-Оля повела насъ въ садъ.

— Бѣгайте! Возитесь! сказала она.— Только не подходите безъ старшихъ къ водѣ!

Садъ оказался большимъ, старымъ, спускавшимся къ рѣкѣ. Высокія липы, дубы и клены сплетались вершинами подъ самымъ небомъ и образовывали собою своды, подъ которыми было прохладно и легко. Въ полянкахъ между ними росли груши и яблони, сплошь усыпанныя плодами. Кусты малины, смородины и терна толпились у ихъ стволовъ. Надъ сочной травой рѣяли бабочки и во всѣхъ концахъ стрекотали кузнечики. Съ рѣки доносился концертъ лягушекъ. Все это на меня подѣйствовало такъ, точно я видѣла прекрасный сонъ, или попала въ сказочную страну.

— Чего же вы стоите? обратилась къ намъ тетя.— Бѣгайте! Играйте! Здѣсь не городъ!

Мы тотчасъ-же съ визгомъ побѣжали толпою по аллеямъ сада, и еще долго тетя слышала наши радостные голоса. За нами слѣ-

домъ бродила моя няня, еще не освоившаяся съ мыслью, что мы здѣсь не у нея, а намъ казалось, что весь міръ былъ созданъ только для насъ однихъ и что въ природѣ вовсе не существовало времени, а вѣчно продолжался только одинъ счастливый мигъ, которому не было конца. Впереди, за садомъ, сверкали воды рѣки и только по отливавшей на нихъ желтизнѣ мы могли догадаться, что наступилъ уже вечеръ и что пора-бы уже возвращаться домой. Но насъ не звали, а мы были довольны своей судьбой, и весь этотъ день промелькнулъ для насъ, какъ счастливый сонъ.

Какъ вдругъ передъ нами выросла длинная, сухая экономка Игнатьевна.

— Что же это вы?! спросила она.— Придете вы когда-нибудь ѣсть, или нѣтъ? Для кого я варила и пекла? Самой мнѣ, что-ли, все поѣсть?

И, взявши меня за руку, она нѣжно прижала меня къ себѣ.

— Пойдемъ, морковочка, хоть ты!

А потомъ, обернувшись къ Борискѣ, она погрозила ему пальцемъ и притворно-строгимъ голосомъ сказала:—

— Я и до тебя, сусликъ, доберусь!

И съ громкимъ смѣхомъ мы послѣдовали за ней и всю дорогу до дома висли на ней и мѣшали ей идти.

— Вотъ погодите, я васъ всѣхъ запру въ чуланъ! шутила она.— Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ посажу въ мѣшокъ! Я вамъ задамъ!

И пока она собиралась намъ задать, мы всѣ уже сидѣли за столомъ, ѣли за обѣ щеки, а около насъ, ходила тетя-Оля и подглядывала намъ еще и еще.

— Кушайте на здоровье! говорила она.— Здѣсь не городъ! Набирайтесь силъ!

А у стѣны сидѣли моя няня и Пелагея Игнатьевна и не могли на меня наглядѣться.

— Давно-ли, давно-ли, повторяли онѣ, покачивая головами,— мы носили на рукахъ ея папу и маму,— а вотъ уже и у нихъ дочка! Слава тебѣ, Господи!.. Слава тебѣ, Господи, что дождались!

Затѣмъ насъ повели спать. Я не помню, какъ я дотащи́лась до кровати и какъ заснула. Помню только, что я спала такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ не спала еще никогда.

На другой день мы проснулись довольно поздно, такъ что няня нѣсколько разъ приходила къ намъ, чтобы насъ разбудить, но ей всякій разъ запрещала тетя-Оля.

— Пусть себѣ поспятъ! говорила она.— Здѣсь не городъ!

Но вставать все-таки было нужно, и мы повскакивали со своихъ постелекъ. Вошла няня, отдернула занавѣски и распахнула настежь окна.

— Благодать-то, благодать-то здѣсь какая! сказала она.— Вѣкъ-бы отсюда не уѣзжала!

И дѣйствительно, утро было прекрасное. Волны свѣта хлынули къ намъ въ комнату и вмѣстѣ съ ними ворвались къ намъ и звонкіе крики птицъ, щебетавшихъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, и жужжанье насѣкомыхъ. Слышно было, какъ кудахтали куры и распѣвалъ пѣтухъ. Спѣлыя вишни такъ и просились къ намъ въ окно, а нѣсколько поодаль, на отвислыхъ отъ тяжести вѣтвяхъ, виднѣлись крупныя, скороспѣлыя груши. Пахло цвѣтами. У росшихъ подъ окнами высокихъ подсолнуховъ жужжали пчелы. Въ прохладную комнату такъ и пыхало снадворья тепломъ.

— Ну, одѣвайтесь, одѣвайтесь скорѣе! торопила насъ няня.

Заслышавъ наши голоса, Игнатьевна просунула къ намъ въ дверь голову и притворно-строгимъ голосомъ сказала:

— А вотъ я васъ сейчасъ мокрымъ вѣникомъ!

Затѣмъ мы гурьбой вышли къ чаю.

— Всѣ здѣсь? спросила Игнатьевна.— Всѣ четверо? И сусликъ здѣсь?

— Здѣсь! отвѣтили мы хоромъ.— Всѣ четверо!

— Никто изъ васъ за ночь не потерялся?

— Никто!

— Ну, такъ садитесь за столъ и ѣшьте!

Пока мы пили чай, вошла тетя-Оля и всѣхъ насъ перецѣловала, даже Бориску. Онъ утерся рукавомъ и шмыгнулъ носомъ. Коля уже сдружился съ нимъ и былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ такъ ёрзалъ на стулѣ, что уронилъ чашку съ чаемъ и залилъ себѣ имъ весь костюмъ. Игнатьевна шутя взяла его за ухо и увела переодѣваться. Онъ и всѣ мы долго смѣялись.

Затѣмъ всѣ мы выбѣжали въ садъ и долго въ немъ играли.

— Дѣти! Гдѣ вы? вдругъ слышался голосъ Игнатьевны.— Идите сюда, я васъ угощу!

Мы побѣжали къ ней. Она подвела насъ къ большому грущевому дереву, сплошь усыпанному плодами, и обратилась къ Колѣ:

— Эй, ты, Николай-угодникъ! Лѣзь-ка поскорѣе на дерево, да нарви намъ побольше грушъ! И ты тоже, сусликъ, лѣзь!

Бориска недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и на насъ. Неужели здѣсь можно лазать по деревьямъ?

— Лѣзь, лѣзь! сказала Игнатьевна.— Ничего тутъ! Ты вѣдь не дѣвочка, а мальчишка!

Онъ съ радостью, какъ кошка, взобрался на дерево и сталъ подавать намъ оттуда спѣлыя груши. Мы ихъ ѣли, а сокъ изъ нихъ такъ и текъ у насъ по пальцамъ

и по губамъ. Наѣвшись досыта, мы стали бѣгать по парку.

— Ангелочки вы мои прекрасные... вдругъ услышали мы старческій голосъ.— Сподобилъ Господь увидать...

Мы приглядѣлись и увидѣли на лавочкѣ подъ деревомъ старушку Пелагею Арсеньевну. Она грѣлась на солнышкѣ и носъ у нея почти касался подбородка.

— Давно-ли, давно-ли, продолжала она и закачала головой,— я носила Сонечку на рукахъ, а вотъ ужъ у нея дочка — невѣста! Слава тебѣ Господи!.. Слава тебѣ, Господи!

День былъ жаркій, такой жаркій, что даже намъ, дѣтямъ, трудно было бѣгать. И я очень была рада, когда часа въ четыре къ намъ подошла няня и позвала всѣхъ насъ къ тетѣ.

— Идите купаться! сказала она.— Тетя васъ ожидаетъ!

Тетя-Оля уже стояла съ простыней и въ резиновомъ чепцѣ и поджидала насъ.

— Пойдемте купаться! сказала она.— Сегодня жарко, да и съ дороги вамъ надо помыться. Возьмите съ собою чистое бѣлье!

Тетя-Оля, Игнатьевна, няня, я и Фрося отправились купаться. Никогда не забуду этого перваго моего купанья. До сихъ поръ я мылась въ ваннѣ и въ банѣ, но въ рѣкѣ не купалась ни разу въ жизни. Господи, какъ мы съ Фро-

сей визжали, брызгались и бултыхались въ водѣ! Мы влѣзали въ воду по самую шею, затѣмъ вылѣзали, катались по мягкому, чистенькому песку и влѣзали въ воду вновь. Свѣженькія, чистенькія, веселыя, мы вернулись въ домъ. Здѣсь уже насъ дожидался самоваръ. Мы выпили по двѣ чашки чаю съ такими густыми сливками, что въ нихъ стояла ложка, и снова выбѣжали въ паркъ.

Спускался тихій вечеръ, тѣни отъ деревьевъ протянулись черезъ аллеи, и прохладный вѣтеръ заструился со стороны рѣки. Стали сильнѣе пахнуть цвѣты, загудѣли жуки, еще сильнѣе затрещали лягушки на рѣкѣ и стало такъ хорошо, такъ хорошо, что я не умѣю даже и описать.

— А не покатаь-ли намъ дѣтей въ лодкѣ? предложила вдругъ Игнатъевна.— Вечеръ тихій, теплый... Кстати, и утопимъ въ ней кого-нибудь изъ нихъ. Ну, хоть печерицу, что-ли, или суслика...

Мы всѣ вскочили и захопали въ ладоши.

— Въ лодкѣ! Въ лодкѣ! закричали мы всѣ четверо.— Мы поѣдемъ кататься въ лодкѣ!

Цѣлой кампаніей мы отправились къ рѣкѣ. Нашъ Трифонъ сѣлъ на весла, Игнатъевна у руля на кормѣ, няня и тетя-Оля на носу, а мы четверо по срединѣ.

— Ну, Господи, благослови! перекрестилась Игнатъевна.— Трогай!

Трифонъ взмахнулъ веслами и мы поплыли. Мимо насъ потянулись красивые берега, горки, камыши, лѣса... Громадныя вѣковья липы стояли у самой воды и отражались въ ней во всю свою величину. Онѣ были въ полномъ цвѣту и ихъ запахъ наполнялъ собою воздухъ и я то и дѣло вдыхала его полной грудью. Выскакивали маленькія рыбки изъ воды и долго еще на поверхности рѣки послѣ нихъ оставались круги. Кричали птицы и доносилось мычаніе стада. Кругомъ было великолѣпно и не хотѣлось возвращаться домой. Спустился вечеръ.

— Ну, сказала тетя-Оля,— пора уже и домой!

Трифонъ поднялъ весла и насъ тихонько понесло теченіемъ назадъ. Мы сидѣли, молчали, глядѣли на пламенный закатъ и на берега, и намъ казалось, что это мы въ сладкомъ снѣ, и мы боялись проснуться и нарушить наше сновидѣніе.

— Что-то теперь нашъ Вася? заговорила вдругъ Игнатъевна.— Какъ-то его здоровье?

— А кто это такой Вася? спросила я ее.

Тетя-Оля поправила на мнѣ волосы, упавшіе мнѣ на лобъ.

— Такой-же маленький мальчикъ, какъ и ты, отвѣтила она.— Онъ лежитъ теперь больной. Въ прошломъ году у меня служила его мать, Наталья. Оба они пріѣхали сюда откуда-то съ Юга, а отецъ

мальчика остался у себя дома, гдѣ тоже служилъ въ людяхъ. Только вотъ полгода тому назадъ пришло вдругъ отъ него письмо, что онъ тяжело заболѣлъ и лежитъ въ больницѣ. Наталья испугалась, засуетилась и засбиралась къ себѣ домой навѣстить мужа. Своего мальчика Васю она оставила здѣсь, недалеко отъ насъ, у своей знакомой мельничихи, а сама отправилась на Югъ. Проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой, а ея все нѣтъ и нѣтъ. Ни объ отцѣ ни объ матери ни слуху, ни духу, точно оба они умерли или сквозь землю провалились. Мальчикъ Вася истомился душой, скучаетъ по матери, ждетъ ее каждый день и вотъ уже полгода прошло, какъ она не возвращается и ничего не даетъ о себѣ знать. А тутъ, какъ на грѣхъ, свалилась бѣда и на него самого: онъ заболѣлъ скарлатиной. Болѣзнь-то прошла, а все бѣдный мальчикъ поправиться отъ нея никакъ не можетъ. Исхудалъ, какъ спичка, ничего не ѣстъ и все вспоминаетъ свою мать. Я уже наводила объ его матери справки, да изъ этого ничего не вышло. Надо было-бы взять мальчика къ себѣ, да все никакъ не собралась. Теперь-то можно, болѣзнь ужъ давно прошла.

Игнатьевна зѣвнула и перекрестила ротъ.

— Бѣдный, бѣдный этотъ маль-

чикъ! сказала она.—И куда только онъ теперь дѣнется безъ матери,— я, право, и не знаю. Просто хотъ карауль кричи!

— Куда-жъ дѣвалась его мать? спросила Фрося.

— А кто-жъ ее знаетъ! Должно быть пріѣхала къ себѣ на Югъ, захворала, да и померла!

Мнѣ стало грустно. Уже совсѣмъ свечерѣло, на небѣ зажглись звѣзды, Фрося склонилась ко мнѣ на плечо и, убаюканная мирными покачиваниями лодки, задремала, а я все думала о неизвѣстномъ для меня Васѣ и объ его пропавшей безъ вѣсти матери.

Пристали къ берегу и стали вылѣзать изъ лодки. Мы, дѣти, еле плелись: такъ намъ хотѣлось спать.

— Кажется, мы нынче долго катались въ лодкѣ, сказала тетя-Оля.— Какъ-бы это не повредило дѣтямъ!

— Ничего! отвѣтила Игнатьевна.—Отъ этого они будутъ еще здоровѣе!

А затѣмъ я уже не помню ничего: какъ меня раздѣвали, какъ укладывали спать, какъ насильно поили на ночь молокомъ. Помню только, что въ самый послѣдній моментъ къ намъ въ комнату вошла Игнатьевна и подсунула мнѣ что-то подъ подушку. Я хотѣла было посмотреть, что это такое, но не хватило силъ раскрыть глаза и я заснула сладкимъ сномъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ вѣковомъ лѣсу.

На водоной.

СТАРЫЙ КУЗНЕЦЪ.

СКАЗКА.

На самомъ краю города, тамъ, гдѣ уже кончались заборы и огороды и начиналось поле, стояла когда-то ветхая кузница. При ней была небольшая лачуга, въ которой жили старый кузнецъ и его десятилѣтняя внучка Маша. Насколько кузнецъ былъ дряхль и почернѣлъ отъ постоянного дѣла въ кузницѣ, настолько его внучка была свѣжа, какъ цвѣтокъ, и весела и жизнерадостна, какъ птичка.

Вся жизнь кузнеца была полна трудовъ и лишеній. Съ утра и до вечера онъ стоялъ у горна и раздувалъ огонь, или же билъ молотомъ по наковальнѣ, и едва зарабатывалъ этимъ на хлѣбъ. Часто случалось такъ, что ему не на что было купить углей, и его печь стояла нетопленной по два и по три дня подрядъ и работа прекращалась совсѣмъ. Къ тому же угли продавались въ лѣсу, а до лѣса было далеко, и трудно было тащить тяжелый кулъ на самомъ себѣ. Ни лошади, ни осла у кузнеца не было.

Однажды въ декабрьскій морозный день кузнецъ подозвалъ къ себѣ внучку.

— Маша, обратился онъ къ ней, — хочешь оказать мнѣ услугу?

— Хочу, быстро отвѣтила она, — а что?

— Сходи въ городъ, купи тамъ хлѣба въ долгъ! Авось тебѣ дадутъ!.. Вѣдь ты ребенокъ!

Она тотчасъ же собралась, взяла корзиночку, надѣла валенки и побѣжала въ городъ.

Кузнецъ вообще былъ мраченъ,

а теперь, когда вышла его внучка, сталъ еще мрачнѣе. Никогда еще за всю его долгую, трудовую жизнь, онъ не былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи, какъ теперь. У него не было ни копейки, а угля оставалось только полъ-мѣшка, всего только на часъ. Чѣмъ онъ будетъ топить печь далѣе? На чемъ онъ будетъ накаливать докрасна желѣзо, чтобы продолжать работу? Какъ работать безъ угля? А безъ работы какъ и на что жить?

— И что это за странность такая! вздохнулъ въ отчаяніи старикъ. — Работа есть — угля нѣтъ, уголь есть — работы нѣтъ! Такъ вотъ сиди и жди у моря погоды!..

Но кузнецъ не любилъ долго оставаться безъ движенія: онъ подсыпалъ въ печь углей и сталъ раздувать мѣхи. И по мѣрѣ того, какъ угли становились красными, къ нему возвращалась прежняя надежда.

„Кто знаетъ, думалъ онъ, — быть можетъ на сегодня съ меня этого угля и хватить? Я еще успѣю сдѣлать кочергу, щеколду и ключъ. Работа эта трудная, слесарная, а не кузнечная, но за то вѣдь я и получу за нее хорошо! Хватить съ меня на цѣлую недѣлю... И на уголь, и на хлѣбъ... Вотъ толькобы успѣть и зря не сжечь эти угли, не выхолодить-бы печь!..“

И только-что онъ это подумалъ, какъ въ кузницу вбѣжала раскраснѣвшаяся отъ мороза Маша.

— Такъ скоро? удивился кузнецъ.

Но замѣтивъ позади нея какого-хмураго человѣка, онъ спросилъ:

— А это кто?

— Это дровосѣкъ Иванъ! съ жаромъ отвѣтила она.—Твоего порученія, дѣдушка, я не исполнила, потому что шла черезъ площадь и встрѣтила вотъ его.—Чего ты такой печальный? спросила я его.—Да вотъ, говоритъ, рубилъ сейчасъ дрова и сломалъ свой единственный топоръ. Теперь мнѣ нечѣмъ работать и мои дѣти должны быть безъ хлѣба!.. А я ему и сказала: Пойдемъ сейчасъ къ намъ! Мой дѣдушка кузнецъ и онъ скуетъ тебѣ новый топоръ! Онъ обрадовался и пошелъ—и вотъ мы оба здѣсь!

Дровосѣкъ Иванъ вздохнулъ и молча положилъ передъ кузнецомъ свой изломанный топоръ.

— Сдѣлай такую милость! сказалъ онъ.—Жена, дѣти... Ъсть хотятъ... Заставь вѣкъ Бога молить!

Кузнецъ задумался.

— Ну, конечно, дѣдушка ты это сдѣлаешь! воскликнула Маша.—Ну, что тебѣ стоить! Ты только подумай, откуда безъ топора ему достать себѣ хлѣба? Вѣдь онъ бѣдный рабочій!

Старикъ почесался. Дѣвочка даже и не подозрѣвала, какъ должны были рушиться его надежды.

— Ну, скажи же ему, что ты это для него сдѣлаешь! пристала Маша къ дѣдушкѣ.

Кузнецъ молчалъ, все еще думая о томъ, что бесплатная починка этого топора обойдется ему, очень дорого: она будетъ стоить ему всего имѣющагося на лицо угля и значить, останутся вовсе не сдѣланными ни ключъ, ни щеколда, ни кочерга... Но дѣлать

было нечего, дѣвочка такъ упрашивала, а онъ такъ былъ слабъ къ ея просьбамъ, что пришлось браться за молотъ.

— Давай сюда! обратился онъ къ дровосѣку.

И взявши отъ него изломанный топоръ, онъ раскалилъ его до красна, бросилъ на наковальню и сталъ бить молотомъ. Во всѣ стороны посыпались искры. Мало по малу топоръ сталъ приобрѣтать свою прежнюю форму и, наконецъ, оказался такимъ, какимъ былъ еще до покупки его въ магазинѣ.

— Готово! крикнулъ онъ.—Дай ему остынуть и иди работай имъ потомъ на здоровье!

Глаза дровосѣка засвѣтились радостью, Маша съ гордостью посмотрѣла на него, потомъ на дѣдушку. А бѣдный кузнецъ покачалъ головой и подумалъ со вздохомъ:

— Ахъ, Маша, Маша, если бы ты знала, какъ дорого мнѣ обошлась твоя доброта!

Иванъ взялъ свой топоръ, простился и ушелъ, Маша снова отправилась за хлѣбомъ, и кузнецъ опять остался одинъ. Угли въ печкѣ еще не погасли, кое-что изъ нихъ осталось еще въ мѣшкѣ... Что если онъ поспѣшитъ, воспользуется временемъ и начнетъ ковать сейчасъ кочергу, щеколду и ключъ? Быть можетъ, онъ еще и успѣетъ.

И съ новою надеждой онъ схватился за молотъ и сталъ ударять имъ по раскаленному желѣзу. Но не успѣлъ онъ проработать и четверть часа, какъ въ кузницу вбѣжала Маша. Она запыхалась и на ней не было лица.

— Дѣдушка, дѣдушка! воскликнула она.—Бросай все! Бѣги скорѣе! А то будетъ уже поздно и онъ умретъ!

— Кто умретъ? спросилъ въ удивленіи старикъ.—Что будетъ уже поздно?

Отъ волненія и испуга дѣвочка едва могла говорить.

— Сейчасъ я проходила мимо пруда, заговорила она,—и вдругъ вижу—тамъ несчастье! Мальчикъ катался по льду, разбѣжался, раскатился и вдругъ попалъ, бѣдный, въ прорубь. „Спасите! Помогите!“ закричалъ онъ и сталъ тонуть. Я подбѣжала къ нему, схватила его за руку и стала его изъ всѣхъ силъ тянуть. Но онъ барахтался и вырывался... Уфъ, какъ я устала, даже не могу говорить... Тогда я схватила его обѣими руками за волосы и вытащила изъ проруби. Но онъ уже не дышитъ. Онъ лежитъ на снѣгу около проруби, какъ мертвый, весь обледенѣлъ и теперь можетъ умереть... Бѣги скорѣе, дѣдушка! Какъ можно скорѣе, а то будетъ уже поздно! Спаси его!

— Что же я долженъ сдѣлать? спросилъ съ безпокойствомъ старикъ.

— Бѣги скорѣе къ нему, возьми его и снеси его къ нему домой!

— Да какъ я узнаю, гдѣ онъ живетъ?

Кузнецъ съ жалостью посмотрѣлъ на свою печь и угли. Въ нихъ желѣзо уже накалилось до красна и теперь достаточно было-бы всего только какихъ-нибудь десять-двадцать ударовъ молотомъ и кочерга была-бы уже готова. А затѣмъ можно было-бы за одинъ взмахъ сковать щеколду и ключъ... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ этотъ маль-

чикъ такъ несчастливо катался по льду и не замѣтилъ проруби!

И онъ глубоко вздохнулъ и опустилъ свой молотъ.

— Что-жъ, дѣлать нечего... проговорилъ онъ.—Надо идти.—Только ты безъ меня не подходи къ горну. А то обожжешься! Будь осторожна!

Онъ набросилъ на себя тулупъ и, оставивъ дѣвочку одну, отправился по указанному направленію къ пруду. Нужно было спѣшить. Дорога была каждая минута. Ноги едва его несли.

Но вотъ и прудъ. У проруби, прямо на льду, дѣйствительно лежитъ мальчикъ. Онъ весь уже обледенѣлъ. Старикъ наклоняется надъ нимъ и узнаетъ его. Какая счастливая случайность!

— Вѣдь это—Петя! восклицаетъ онъ. — Сынъ тетушки Авдотьи! Значитъ, нечего и толковать! Я снесу его къ ней и передамъ прямо съ рукъ на руки! Это недалеко отсюда, по сосѣдству.

И довольный, что успѣетъ еще во время вернуться и продолжать свое дѣло, старикъ поднимаетъ со льда мальчика и несетъ его къ нему домой.

— Ахъ, Маша, Маша!.. шепчетъ онъ еле переводя духъ отъ тяжелой ноши.—Если-бъ только ты знала, во что обходится мнѣ твоя доброта!

У тетушки Авдотьи кузнеца встрѣтили съ крикомъ ужаса. Онъ объяснилъ матери въ чемъ дѣло, успокоилъ ее, помогъ ей его раздѣть и уложить въ постель, и затѣмъ, не дождавшись даже благодарности, со всѣхъ ногъ, насколько это позволяла ему его старость, пустился къ себѣ домой. О, если-бы

въ горнѣ еще не погасъ безъ него огонь!

Но вотъ ужъ и кузница. Старикъ отворилъ дверь и, точно его ударили обухомъ по головѣ, такъ и замеръ на порогѣ. Огонь въ печи такъ и пылалъ. Отъ углей въ мѣшкѣ не осталось и помина. Маша высыпала всѣ ихъ въ горно, раздула ихъ до красна, въ кузницѣ было тепло, за то уже и не осталось больше никакой надежды на возможность выполнить заказъ.

— Что ты надѣлала? воскликнулъ онъ. — Вѣдь я запретилъ тебѣ подходить къ горну! Вѣдь ты сожгла мои послѣдніе уголья!

Она виновато подошла къ кузнецу.

— Прости меня, дѣдушка, сказала она, — но вотъ къ намъ пришелъ какой-то старичекъ и попросилъ позволенія погрѣться. Я впустила его. Онъ такъ дрожалъ, что у него стучали зубы. Въ это время печка стала гаснуть. Тогда, чтобы согрѣть его, я высыпала изъ мѣшка въ горнѣ послѣдніе угли и опять раздула огонь... Ты чувствуешь, какъ у насъ сейчасъ тепло? Правда?

Старый кузнецъ покачалъ головой.

— Ахъ, Маша! опять проговорилъ онъ. — Если-бъ только ты знала, во что мнѣ сегодня обошлась твоя доброта!

Въ это время въ темномъ углу съ лавки поднялся высокій, худощавый человѣкъ съ длинной сѣдой бородой и подошелъ къ Машѣ и къ кузнецу.

— Прощайте, сказалъ онъ тихимъ, кроткимъ голосомъ. — Я уже согрѣлся и долженъ идти далѣе.

Спасибо вамъ за ваши ласку и привѣтъ. Богъ не оставитъ васъ...

Кузнецъ посмотрѣлъ на него и ему вдругъ почему-то показалось, что отъ незнакомца стало исходить сіяніе и что надъ головою его въ воздухѣ засвѣтился вдругъ кругленькій вѣнчикъ.

„Что за диковина!“ подумалъ онъ. — „Точно святой!.. Такихъ вотъ стариковъ обыкновенно рисуютъ на иконахъ, да на стѣнахъ въ церквахъ... Интересно-бы узнать, кто это такой?“

И пока онъ такъ думалъ, незнакомецъ удалился и такъ быстро, что можно было подумать, что онъ исчезъ.

Кузнецъ подошелъ къ двери, которая оказалась на крючкѣ, съ удивленіемъ отперъ ее и выглянулъ наружу. Но незнакомца тамъ тоже не было. Только видно было, какъ отъ поднявшагося вѣтра по полю носились цѣлые вихри снѣга.

— Куда же это дѣлся? въ удивленіи спросила и Маша.

— Что за диковина!.. повторилъ кузнецъ. — Точно какое чудо!..

Но медлить было нечего. Если кузнецъ сейчасъ же затушитъ въ печи огонь, то угли погаснутъ и, быть можетъ, ихъ завтра хватить хотя-бы на одну только кочергу. Теперь уже поздно и невидно работать, а завтра можно будетъ начать пораньше съ утра...

И онъ подошелъ къ печи и плеснулъ на раскаленные угли водой. Но они не зашипѣли и не погасли. Они продолжали все такъ же кучкой лежать на горнѣ и свѣтиться, какъ свѣтились и до этого.

„Странное дѣло!..“ подумалъ кузнецъ и потрогалъ рукой за уголья. Они слабо зазвенѣли. Онъ схва-

тиль ихъ въ руку, но они вовсе не жглись. Тогда онъ поднесъ ихъ поближе къ свѣту, чтобы лучше разглядѣть, и вдругъ радостно воскликнулъ:

— Деньги! Золотыя деньги! Маша, подойди сюда и погляди! У насъ цѣлое богатство! Твои угли превратились въ золото и серебро!

И оба подбѣжали къ горну и, не вѣря своимъ глазамъ, стали смотрѣть и рыться въ новенькихъ, блестящихъ монетахъ.

Теперь они были богаты.

Маша отбѣжала въ тотъ уголь, гдѣ только что сидѣлъ незнакомецъ, и вдругъ увидѣла его опять. Онъ сидѣлъ тамъ на лавкѣ и весь уголь освѣщался исходящимъ отъ него сіяніемъ. Кузнецъ тоже подо-

шелъ къ нему и сталъ тяжело опускаться на колѣни.

— Вотъ во что тебѣ обошлась ея доброта!.. сказало видѣніе и исчезло.

Кузнецъ взялъ Машу за плечи, ласково опустилъ ее на колѣни и оба долго-долго молились и благодарили за свое богатство.

— Но кто же былъ этотъ святой? спросила Маша, когда они кончили молиться и поднялись съ колѣней.

— Не знаю... задумчиво отвѣтилъ кузнецъ. — Развѣ не бывали случаи, когда подъ видомъ нищаго къ людямъ являлся самъ Господь?

И оба долго еще смотрѣли на ту скамью, на которой сидѣлъ незнакомый старичекъ.

Съ франц. по Th. Jeanroy.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано слово, состоящее изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 2. 1. 3. 5. 1 — означаютъ рѣчное судно, 7. 6. 3. 6. 5. 1 — птицу, 5. 6. 3. 5. 1 — принадлежность хлѣба, апельсина и т. п., 3. 4. 7. 8 — хлѣбный злакъ, 2. 1. 3. 2. 1. 3. 4. 7. 8 — колючій ягодный кустарникъ; ягоды его очень кислы; 5. 6. 5. 7. 8 — уголь, 5. 3. 1. 2. 8 — родъ рака, 2. 6. 2. 3. 8 — пушного звѣря, 7. 6. 2. 1. 5. 1 — домашнее животное, 6. 5. 6. 3. 6. 5. 8 — закуску, 6. 7. 6. 5. 1 — водную траву, 2. 1. 3. 1. 5. 8 — легкую постройку для помѣщенія большихъ.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ очень вкусный фруктъ, растущій на югѣ.

манное слово, которое означаетъ очень вкусный фруктъ, растущій на югѣ.

II.

Угадать, какія должны стоять слова на мѣстахъ точекъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„Буря утихаетъ и вѣтеръ дуетъ уже много , чѣмъ раньше. Но зачѣмъ ты на станцію въ такую грязь? Подожди, пока она просохнетъ. Вѣдь въ дождь дорога кажется длиннѣе и разстояніе , чѣмъ въ хорошую погоду. Поживи у насъ еще: мы постараемся развлечь тебя и ты не у насъ скучать“.

Выписать эти слова и составить

изъ нихъ фразу, составляющую известную русскую поговорку.

III.

Если взять часть трубы, дно отъ сундука, одну изъ нотъ, низку бусь, однозначное число, ящерицу и змѣю и половину кровати, то что выйдетъ?

IV.

Задуманы три слова:

1) н — — — = часть тѣла чело-
вѣка и животныхъ.

2) в — — — = то, что дѣлаетъ
одежду теплой.

3) г — — — = возвышенность на
земной поверхности.

Отгадать эти слова; взять отъ
каждаго изъ нихъ первую и по-
слѣднюю буквы; такимъ образомъ
получатся три слога; составить

изъ этихъ слоговъ новое слово,
означающее рыбу, водящуюся въ
сѣверныхъ водахъ.

V.

Задуманы три слова, означающія:

1) Музыкальный инструментъ.

2) Душистую жидкость.

3) Часть тѣла.

Взять отъ cadaго изъ этихъ
словъ по одному слогу и соста-
вить изъ нихъ новое слово, озна-
чающее небесное явление.

Какое слово задумано?

VI.

Задумано слово, означающее
предметъ, на который наматываютъ
нитки. Изъ составляющихъ его
буквъ выходятъ слова: утка, кош-
ка, шутка, туша и шашка.

Какое это слово?

*Рѣшеніе головоломки и ребуса № 14, по-
мощенныхъ въ № 13 „Золотого Дѣтства“.*

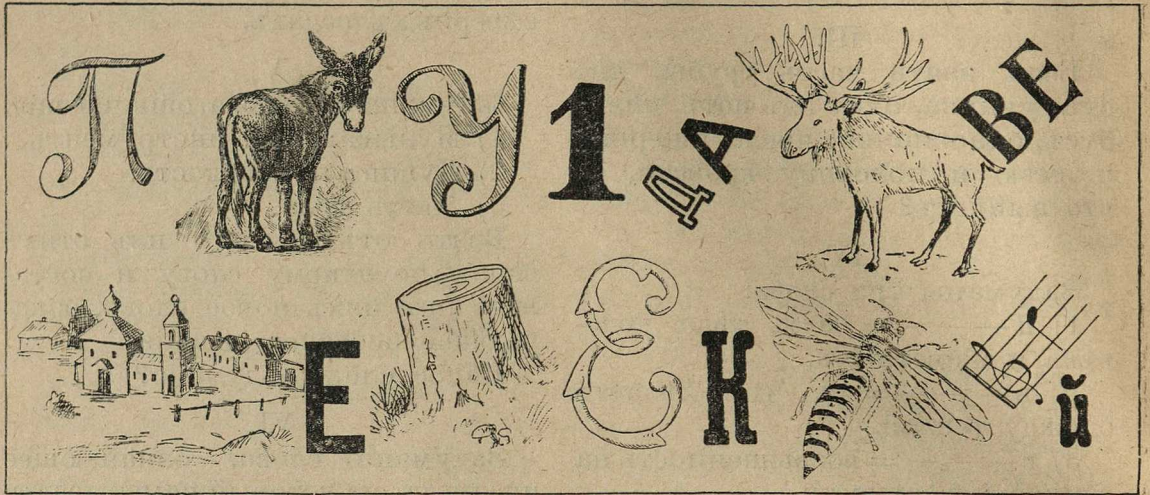
Головоломки: I. Перо, ласка, сельдь, осока,
Неаполь, календарь, плакса, серенада, пекарь,
сорока, ладонь, лань, карась = Александрополь.
II. Обла + ко, ры + бакъ, доло + то = корыто.
III. Первый странникъ подумалъ, что хлѣбъ
былъ сырой, и отказался отъ него. IV. Поль +
ушка = полوشка. V. Ку + ликъ, ку + лакъ, ру +
башка. За + боръ = кукуруза.

Ребусъ № 14. Б + очки + съ + с + олени +
я + ми + д + овесъ + ны + сто + я + ли въ по +
два + лѣсъ + о + кошка + ми = Бочки съ со-
ленями до весны стояли въ подвалѣ съ окош-
ками.

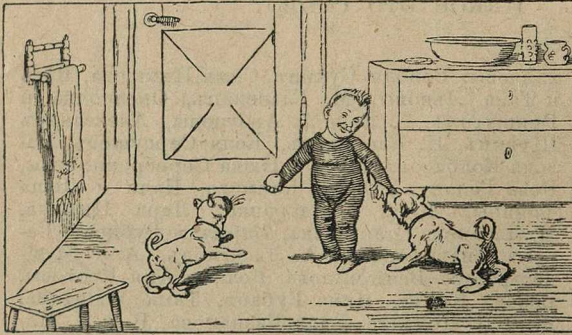
Вѣрные рѣшенія прислали: Таня Ярошев-
ская, Лара Машкова и Ира Горюнова, Дм. Ве-
сельчакъ, Иванъ и Николай Гаусманы, Арвидъ
Бруновскій, Лида и Галя изъ Новокіевска, Ира
Зуйкина, Эліазаръ и Захарій Лейтесъ, Катя
Цингель, Т. Кунъ, Шура и Рауша Моисеевы,
Сергѣй и Павелъ Темировы, Миша и Аронъ
Адлванкины, Фани Полякова, Люся Чуди-
нова, Нина и Надя Русаковы, Олечка и Зи-
ночка Модзелевскіе, Серафимъ Герасимовъ,
Люся Мусина-Пушкина, Пуля Поль, Миля Лат-
манцова, Е. и П. Чеховичъ, А. Никитинъ,
Валя Новикова, Петя Рябчевскій, Миша и Се-
режа Шубины, Сима, Нюра и Андруша Ми-

хайловы, Володя Сухинъ, Сима Пиккіева, Вѣра
и Таня Львовы, М. Глазенацъ, Оксаночка и
Грипутикъ, А. Е. и А. Арбузовы, Александръ
Щукинъ, И. Касьяновъ, Коля Сергушевъ, Во-
лодя Колбасовъ, Муся и Нюка Серебренниковы,
Вова Галантъ, Ольга Климова, Надя и Леша
Фокины, Женя Бондаренко, Лара Цыкина,
М. Лазарева-Станищева, Кириллъ Рубцовъ, Се-
режа Митрофановъ, А. Любимовъ, Аня Брой-
десъ, Катя Веніаминова, Коля и Аня Кротовы,
Володя Критъ, Нина Губаръ, Таня Каледина,
Ж. и В. Лодзято, Валя Казнакова, В. и Л. Ма-
цѣвскіе, кто-то безъ подписи, Зяма Цыпкинъ,
Миша и Коля Растатуровы, Аля Половинкина,
Е. Ушакова, Кирочка П., Коля Балануца, М. Чур-
сановъ, Лева Клейнбергъ, Марія Карибова,
Борисъ Коппель, Люся Мазель, Соня Звѣрева,
Николай Андріевскій, Т. Смирнова, В. Кре-
стовскій, Шура Бухаринъ, Боря Быстряковъ,
Боря Литынский, Н. Самаржи, Миша Явниль-
вичъ, Викторъ Денисовъ, Гриша Рапопортъ,
Боря и Витя Веселовскіе, Павля Мордзиловичъ,
Юзя Видерманъ, Оля Болло, Оля, Марфинька и
Маруся Рукобратскія и Пава Повѣдкинъ, Ляля
и Кися Жилиевы, Нина и Нюра Старакановы,
Софья Тянгинская, Вова и Кока Пастрюлины,
А. Вѣлянова, Галя Мальчевская, Николай Ла-
ховъ, Миша Заорскій, Таня Смирнова, И. и Л.
Кацауровы, Ш. Щербаковъ, Боря Двурѣч-
скій, А. и С. Шаповы, Милочка и Катруся О.,
Аня и Ната Козловы, Иванъ Курищенко,
Юрочка Полянскій, А., Л., В. и О. Любимовы,
Евгенія и Елена Касаевы, Илья Вальдбергъ.

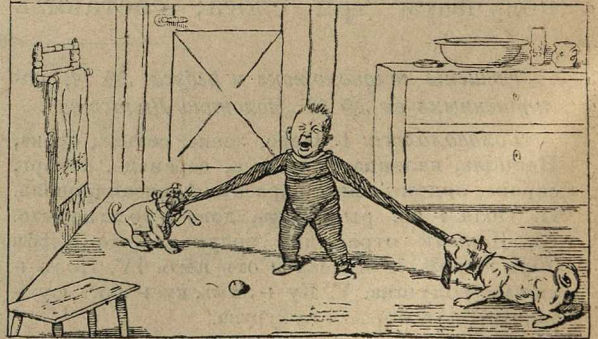
Ребусъ № 16.

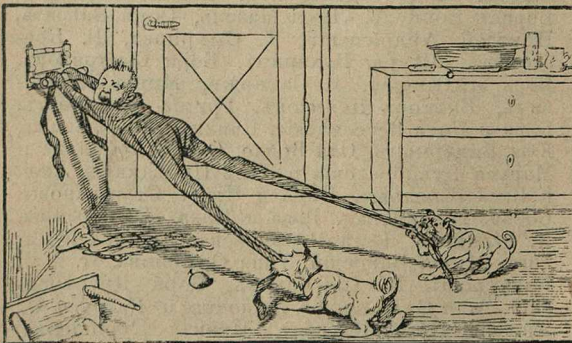
(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

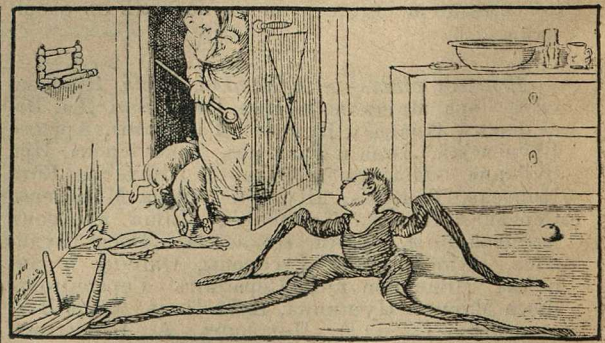
1. Возьми! Возьми!

2. Взяли.

3. Ташутъ.

4. Растащили.

Художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями.

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

☒ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ☒

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровскій проспектъ, 26.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.